

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА

1. ПОСЛЕДНЯЯ ВАХТА

Пароход давно миновал Каменный мост, а я, стиснув рукой перила, все еще гляжу на зубчатые стены Кремля, стараясь запечатлеть в памяти каждую башню, бойницу, звезды над башнями.

Сегодня, 1 августа 1941 года, — моя последняя вахта. Знаменательное совпадение — сегодня мне исполнилось двадцать два года. Несмотря на то, что медицинская комиссия освободила меня от службы в Красной Армии, я по первому призыву ЦК комсомола пошел добровольцем — чувствую себя способным носить оружие и защищать родину. И вот, облокотясь на поручни мостика, я гляжу на Москву, где жил и учился.

Подходим к Бородинскому мосту. Ползут трамваи, движутся пешеходы. Увидев пароход, люди останавливаются, машут руками, а какая-то девушка бросила цветок, который был у нее на груди. Я поймал его в фуражку. Размахивая фуражкой, я говорил про себя: «Москвичи, я еще вернусь! Вернусь, чтобы строить счастливую жизнь!»

Но вот и порт. Привычно нажимаю на ручку свистка, и знакомый грубоватый голос сирены тревожит людей на причалах. Последний раз подхожу к телефону. Четкая команда: «Средний—малый—стоп—назад — стоп», — и пароход, шипя и свистя, стоит у причала. Вся команда вышла на палубу. Вот капитан, вместе с которым я плавал старшим штурманом. Он принял от меня вахту. Ему теперь придется работать за двоих. Крепко обняв меня, он проговорил:

— Ну, смотри, Илья, живым не сдавайся и без победы не возвращайся.

2. В ОТРЯДЕ

Нас было шестнадцать.

Самому старшему, командиру отряда, — под пятьдесят. Это крепкий старик. Густая черная с проседью борода, веселые под лохматыми бровями глаза. Два месяца назад он был директором МТС. Но война

перевернула жизнь, и пошел старый Гуцкей в партизанский отряд. Отряд состоял исключительно из молодежи. Здесь были два брата — Василий и Женя. Оба — комсомольцы. Вместе учились, вместе пошли в отряд. Из машиностроительного техникума добровольцами пришли пятеро комсомольцев. Пришел украинец Петро, родом с верховьев Днестра. Он был у нас пулеметчиком. Пришел Мишка-повар, как мы звали его в отряде. И последними в отряд прибыли две девушки-санитарки — Зоя и Аня. Они окончили краткосрочные курсы медсестер и заявили о желании добровольно пойти в партизанский отряд.

Один за другим, хорошо вооруженные, с большими вещевыми мешками за спиной, мы проходили линию фронта. Справа, на Минском шоссе, шел жестокий бой, слева горела деревня. Откуда-то бил миномет, и мины с воем пролетали над нашими головами. Гуцкей, старый член партии, уверенно вел свой необстрелянный отряд. Изредка мы останавливались, вставали в круг и при свете небольшого фонарика сверяли по карте наш путь.

Я шел за Гуцкеем, крепко сжимая в руках винтовку; за поясом у меня были четыре гранаты. Не верилось, что где-то рядом немцы. Ведь я шел по своей, родной земле! Но, взглядываясь в лица командира и товарищей, я читал в них настороженность. Кашлять нельзя. Говорили шопотом: по рассказам знали, что на деревьях часто прячутся «кукушки» с автоматами, — малейшая неосторожность могла погубить отряд.

Спустя четверть часа мы вышли на опушку. Совсем недалеко от нас послышалась немецкая команда, и тут же сверкнули вспышки огня и раздались выстрелы минометной батареи. Отряд инстинктивно подался назад и по команде Гуцкея залег. Я лежал за толстой сосной; враги были совсем рядом!

— Выход один, — проговорил Гуцкей: — уничтожить батарею и в темноте пробежать открытую местность, пока она не освещена ракетами.

Батарея, расположенная на поляне метрах в ста от леса, состояла из трех минометов. Справа слышались крики, брань, — немцы окапывались на новой позиции. Слева протекала речка, на берегу которой стояли тяжелые орудия. Мы знали о них еще с вечера.

— Кто вызовется уничтожить минометы? — послышался шопот Гуцкея.

Я вызвался первым. Вслед за мной — Мишка-повар и политрук. Гуцкей не стал возражать, и мы, пригнувшись, с противотанковыми гранатами в руках скользнули в темноту.

Отряд должен был следовать за нами, держась на расстоянии пятидесяти метров.

Лес кончался. Мы распределили цели. Мне досталась средняя. То на коленях, то на животе я бесшумно подползал к врагу. Редкие сосенки помогали маскироваться во время вспышек от выстрелов. Все яснее я различал силуэты немцев. Я подполз совсем близко. Отсюда легко добросить гранату.

Раздался резкий свист: условный сигнал к действию. Я рванул предохранитель и, стоя во весь рост, бросил гранату. Тут же я упал. Сильный взрыв, столб пламени. В следующее мгновение я был уже на ногах и со второй гранатой бросился вперед. Сзади бежали товарищи. Миномет лежал вверх колесами, похоронив под собой двух фашистов, а третий, отброшенный взрывом, валялся рядом.

Почти того же добились на флангах Мишка с политруком. Я первым подбежал к лесу, и в тот же момент все кругом залилось ярким синеватым светом: немцы пустили ракету.

— Ложись! — раздалась команда Гуцкея.

Мы ничком бросились на землю. По месту, где только что стояла батарея, и по лесу били из автоматов. Пули, срезая ветки, со свистом пролетали над нашими головами.

Ползком, прячась за деревья, мы уходили в глубь леса.

А через четверть часа двинулись дальше — в тыл врага.

К рассвету мы отошли на пятнадцать километров от фронта. Выстрелы доносились глухо, в лесу стояла тишина. Мы сделали привал, нарубили густых елок, соорудили большой шалаш, разложили костер. Многие растянулись на земле. А Мишка-повар, напевая, вместе с Аней стали готовить наш первый завтрак. Неподалеку расположился Петрусь с пулеметом. А я, растянувшись под густой елкой, вынул томик стихов Маяковского.

Ну и вкусной же показалась нам гречневая каша! Завтрак прошел оживленно. Вспоминали, как переходили фронт. Ведь каждый из нас впервые слышал выстрелы и свист пуль.

Весь день отдыхали на временной стоянке, а вечером Гуцкей повел нас к шоссе. Все так же цепочкой, один за другим и немного согнувшись, шли мы едва приметной тропинкой. Под утро донесся шум. Работали моторы фашистских машин. Когда до шоссе осталось полкилометра, Гуцкей выслал разведку—узнать, что за движение и что за машины.

Через полтора часа разведка вернулась и доложила, что по дороге непрерывным потоком идут машины на фронт.

Днем минировать дорогу нельзя. Мы решили дожидаться ночи.

Около десяти часов вечера стемнело. Наш отряд двинулся к шоссе.

Изредка проходят машины с маленькими фарами или, тархтя, пролетит мотоцикл. Чем ближе к ночи, тем реже движение машин. Около двух часов оно совсем прекратилось.

Гуцкей разбил наш отряд на четыре группы. Мы должны минировать дорогу на протяжении трех километров.

Мне досталась правая сторона, и я со своей тройкой бойцов выступил на выполнение задания.

Асфальт туго подавался под ударами кинжалов. После тридцатиминутных трудов ямы были готовы. Я заложил мины, хорошо их замаскировал: теперь и днем трудно найти минированные места.

На место сбора мы вернулись первыми. Вслед за нами пришла четверка Гуцкея, а через полчаса явились и остальные. Уходить решили после первых взрывов.

В пять часов утра послышался шум машины. Она медленно ползла с тяжелым грузом. Сильный взрыв. Столб огня, дыма — и машина, развалившись на три части, заканчивает свой поход на Москву.

На другом конце раздается такой же резкий взрыв: вторая машина взлетела на воздух.

Мы не стали ждать дальнейших результатов. Знали и без того, что на четыре-пять часов движение по шоссе прервано.

3. В ЛЕСАХ

День за днем, прошел сентябрь. Наш отряд не раз участвовал в боях. Десятки фашистов заплатились жизнью за то, что вступили на нашу землю. Шесть мостов были взорваны и сожжены на лесной магистрали, около двух десятков машин уничтожено нашими минами.

Еще дружнее сплотился отряд Гуцкея. Мы были одной семьей, крепко спаянной общими радостями, общими невзгодами. Однажды в можайском лесу мы расположились лагерем.

Два дня вели разведку на железной дороге. Было выяснено, что ежедневно на семикилометровом участке проходит состав с грузом на фронт. Отряд принял решение: ночью уничтожить состав и прервать движение.

До вечера оставалось часа два. Большинство партизан спит. Мишка-повар набрал в лесу грибов, что-то варит в котелках. Третий день мы питаемся тем, что дает нам лес. Гуцкей и политрук смотрят на карту. Я, наломав еловых веток, лег на спину и вспоминаю свой пароход. Незаметно задремал. Проснулся к ужину. Грибная похлебка была горькая, но мы с удовольствием ее хлебали, похваливая Мишку.

После ужина раздалась команда Гуцкея: «В ружье!», и через три минуты отряд в боевой готовности выступил на операцию.

Была темная осенняя ночь. Кругом тихо, только мягко шуршат под ногами листья и трещат сучья. Отряд шел уверенно. Мы знали: ни один немец не осмелится остаться в лесу ночью.

Около полуночи подошли к опушке леса. В трехстах метрах пролегала железная дорога. Время от времени, ярко вспыхивая, взлетали осветительные ракеты.

Отряд, выставив дозорных, собрался в кружок.

— Товарищи, — тихо обратился к нам Гуцкей, — сегодняшняя операция сложная, требуется исключительное спокойствие, а главное — смелость. Возможно, придется погибнуть, но поезд должен быть взорван. Он пройдет в два часа ночи. Местность открытая и, как видите, освещается. Впереди поезда немцы пускают дрезину; на ней три прожектора и три пулемета. Из пулеметов они простреливают местность и впереди и по насыпи. Поезд без огня идет в трехстах-четырёхстах метрах позади дрезины. У нас нет шнура, чтобы взорвать поезд отсю-

да, из леса. Мину закладывать не можем, — взорвется только дрезина. Следовательно, выход один — идти на риск. Но мы не можем действовать всем отрядом. Это лишняя трата людей. Нужны два человека. Задача такая: выбрать удачное место для взрывчатки, заложить заряд (шнура у нас семь-восемь метров), соединить шнур и самим залечь с батареейкой. Нужно пропустить дрезину, а поезд взорвать, — твердо закончил Гуцкей. — Ясна задача, товарищи?

— Ясна! — был дружный ответ.

— Кто желает выполнить эту задачу?

Каждый из нас, даже Зоя с Аней, сказал твердо:

— Я.

Гуцкей улыбнулся. Потом сказал:

— Молодцы, ребята! Иного я от вас и не ждал. Ну, видно, придется мне самому назначить. Илья, ты пойдешь.

Я сделал шаг в сторону.

— Петренко, ты пойдешь.

И политрук стал рядом со мной.

Через пять минут мы, нагруженные взрывчаткой, простившись с товарищами, исчезли в темноте. Отряд в боевой готовности залег цепью за передними деревьями.

Вот и насыпь. Взлетела ракета, осветив открытое пространство. Мы легли и подождали, пока ракета догорит. Я успел выбрать место для закладки заряда. Это был поворот железной дороги. Не доходя до него семи метров со стороны, откуда ожидался поезд, мы заложили заряд под шпалу, хорошо замаскировали, протянули шнур. Там, где был поворот, вырыли в насыпи узкие траншейки и окопались.

Пока работали, было жарко, но когда легли да еще засыпали себя землей, почувствовали озноб. Ко второму часу я совсем заоченел. Ноги стало ломить, руки отнялись. Чувствовал, что замерзаю. То же и с Петренко. Слышал, как он дует на руки. Но разве этим согреешься? Уйти же, не выполнив задания, и мысли не было.

Наконец издали донесся едва слышный рокот мотора. Вглядевшись в темноту, я заметил свет. Шла дрезина, а за нею поезд.

Как медленно тянулось время! Я считал секунды, выбивая зубами дробь. Все ближе и ближе дрезина. Яснее стал слышаться звук мотора, смешанный с трескотней пулеметов. Темнота рассеивалась, яркие прожекторы освещали пространство. Вот дрезина в ста метрах от нас, визжат пули над головой. Я боялся, что при таком ярком свете мы будем замечены. Дрезина — рядом. Прожекторы, осветив насыпь, скользнули дальше. Поворот спас нас: мы оказались в тени. Я слышал, как у наших ног вбивались в землю пули, но я был спокоен. В одной руке у меня шнур, в другой — батарейка от карманного фонаря.

Дрезина прошла, и вот из темноты, без огней, шипя и свистя, стал выползать паровоз... Секунды казались днями, годами. Я уже не чувствовал холода. Глаза мои были устремлены вперед. Я ждал. Паровоз уже близко — пар долетает до нас. Я соединил провод. Раздался оглушительный взрыв. Все кругом осветилось. Взлетел большой столб

огня, приподняв паровоз; черная махина как бы нехотя повалилась на насыпь.

За первым взрывом ударил второй. Я чувствовал, как на меня валятся доски, песок. Прогремело еще несколько взрывов. И больше я уже ничего не видел и не слышал...

4. НА БОЛОТЕ

Очнулся, когда Петро с двумя товарищами несли меня к опушке леса. Земля озарялась вспышками. На месте насыпи образовался котлован. Вагоны были разбиты в щепки. Плавал удушающий дым. Еще раздавались частые взрывы: это рвались патроны.

Через час, как ни в чем не бывало, я шел впереди отряда. Только в ушах стоял звон, — я плохо слышал. У Петренко из ушей текла кровь, но он шел бодро. Ведь мы выполнили наше задание!

Всю ночь шел отряд. Все громче раздавались выстрелы. Уже виднелось зарево горящих деревень. Мы подходили к линии фронта.

Отряд принял решение перейти к своим. Большинство партизан было раздето, разуту, да и здоровье людей расшаталось. Выбрав хорошее место в густом ельнике, мы расположились на отдых, чтобы следующей ночью перейти фронт.

Не успели мы сложить из елок шалаш, как прибежал дозорный Петро.

— Товарищ командир, в нашу сторону немцы идут, — доложил он Гуцкею.

— В ружье! — раздалась четкая команда.

Отряд, готовый к бою, цепью залег за деревьями.

Через минуту показалась разведка врага. Шли два немца с автоматами в руках. Впереди бежала большая черная овчарка. В нескольких десятках метров от них продвигался большой отряд, очевидно карательный.

— Огонь по гадам! — скомандовал Гуцкей.

Раздались частые винтовочные выстрелы, и, заглушая их, затрещал пулемет Петро. Немцы что-то громко закричали и залегли за деревьями. Стали палить оттуда из автоматов. Я лежал за поваленной сосной, стрелял редко, лишь по видимой мишени. Обычно при встречах с нами в лесу немцы отступали. Сейчас этого не случилось: видимо, они знали, что нас всего шестнадцать человек. Перебежками они приближались к нам.

— Приготовить гранаты! — услышали мы голос командира.

Я выбрал место, куда бросить гранату, и стал ждать команды.

— Огонь! — крикнул Гуцкей и первым бросил гранату.

Шестнадцать взрывов слились в один. Немцы, крича, побежали назад. Все пространство окуталось дымом. И сразу стало тихо. Только стоны раненых фашистов слышались невдалеке от нас.

И опять спокойная команда Гуцкея:

Во вражеский тыл!

— С левого фланга по одному отступать по намеченному маршруту. Илья, веди отряд!

Я быстро вскочил и пошел впереди с компасом в одной руке и с гранатой в другой. Позади шли командир и Петро с пулеметом. Долго мы шли, все время слыша стрельбу автоматчиков. Они продвигались за нами на расстоянии примерно полкилометра, потом отстали, а к вечеру совсем прекратили погоню.

В шесть часов вечера, едва передвигая ноги, мы подошли к деревне Брыкино. Больше суток ничего не брали в рот. Мокрая, рваная одежда прилипла к телу. Начал моросить дождь. Сели на опушке леса.

Какова же была наша радость, когда мы увидели неподалеку картофельное поле!

Аня, Мишка и Николай, пригибаясь к земле, с вещевыми мешками поползли за картофелем. Только успели они притащить полные мешки, как совсем недалеко залаяла собака. Мы, не теряя времени, ушли с этого места, взяв направление на деревню Яшино. Сзади гроыхали выстрелы, но мы не останавливались; шли, зная, что в темноте нас нелегко поймать.

Через час показалась деревня, которую нужно было обходить по открытому полю.

Мы снова присели на опушке. Гуцкей, наклонившись над картой и освещая ее фосфором компаса, изучал местность. Но что за проклятая собака гналась за нами! Снова послышался лай, выстрелы, и, видно, из

деревни взвилась ракета. Мы поспешно отступили в лес. Ракеты взлетали одна за другой. В деревне поднялся шум, выстрелы всё приближались. Мы оказались в ловушке и не знали, как из нее выбраться.

Но Гуцкей никогда не терялся. Он поднял отряд и повел в болото, лежавшее по правую руку от нас.

Другого выхода не было. Мы едва передвигали ноги. В голове шумело. Мешки с картошкой пришлось бросить — не было сил нести их. Преследователи приближались. Пули свистели над нашими головами. Вот немцы дошли до болота. Слышны брань, крики.

Но дальше они не рискнули идти.

Мы прошли около километра, когда из деревни ударил миномет. Мина пролетела над нашими головами и разорвалась далеко впереди. За первым выстрелом раздался второй. Мы присели на сухих кочках. Выстрелы с правильными промежутками следовали один за другим. Но мы перестали обращать на них внимание: почему-то уверены были, что такой смертью не погибнем. На кочках оказался целый ковер клюквы. С каким наслаждением я ее уничтожал! Товарищи последовали моему примеру.

Под утро миномет перестал бить, и мы по-двое, по-трое, стоя на коленях или сидя на корточках, задремали.

Бледные лучи рассвета осветили наше убежище: редкие чахлые деревья, кочки, покрытые мхом и клюквой, и кругом вода, вода...

День тянулся медленно. Мокрые ноги озябли и стали затекать. Язык от клюквы распух. Лица пожелтели. Еще сутки — и ни один из нас не выберется из этого болота.

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Командир и Мишка ушли в разведку. День клонился к вечеру, а они не возвращались. Где-то за деревней шел жаркий бой. Часто разрывались бомбы, — наверное, бомбили с самолетов. Орудийные выстрелы сливались в один страшный гул. Пахло гарью: верно, горела деревня.

Стало совсем темно. И вдруг неожиданно раздался выстрел из пистолета. Послышался голос Гуцкея. А через несколько минут он с Мишкой и еще какими-то людьми подошел к нам.

— Товарищи, мы спасены! — крикнул Гуцкей. — Красная Армия отогнала немцев. Вот — пришли за нами.

Гуцкей указал на пятерых красноармейцев. Я попытался встать, но ноги отказались служить мне. Правая распухла и почернела. Тогда я почти не обратил внимания на это. Мне было радостно видеть бойцов, самых близких наших братьев.

Два месяца я бил врага у него в тылу. И вот теперь снова со своими! Я не замечал своих слез, ибо радость моя была радостью всего отряда. И плохо помню, что происходило после, когда меня несли красноармейцы. Я часто терял сознание. Но помню: когда меня вынесли

из болота, нас обступили бойцы. Они дружески жали нам руки, набрасывали на наши плечи свои шинели, отдавали вареники, протягивали нам газеты и сахар, покрытый пылью.

Молодой капитан подошел ко мне, поцеловал и громко произнес: — Вас не забудет родина, вы — настоящие народные мстители!

...Медленно текло время. Военный лазарет за семь дней так надоел, что лучше еще раз сидеть в болоте, только не в лазарете.

И вот 1 ноября. Я вхожу в штаб армии. Как дружески меня приняли! Расспрашивали о наших действиях в тылу у немцев. Но когда я спросил об отряде, полковник, глядя в сторону, сказал мне, что отряд отправлен на отдых. Разве мог я поверить этому? Разве Гуцкей пойдет отдыхать? Я понял: отряд ушел без меня.

6. СНОВА В МОСКВЕ

Ноябрьская Москва... На всю жизнь сохранится в душе ее мужественный облик! Это были дни, когда фашисты с бешеной яростью рвались к нашей столице, когда линия фронта все ближе и ближе подходила к городу. По улицам Москвы двигались обозы воинских частей. Маршировали отряды рабочих, уходивших на фронт. Грохотали танки. В небе реяли самолеты, прикрывавшие Москву от ударов немецкой авиации.

В эти жаркие дни особенно тяжело было сознавать себя вне рядов бойцов, непосредственно защищающих родину. Частые встречи с товарищами, уходившими на фронт, только обостряли это чувство. Я все время жил воспоминаниями о горячих днях партизанской борьбы.

Однажды встретился с фотографом Федотовым, который в свое время сумел проникнуть в расположение нашего отряда и сделать несколько снимков в довольно рискованной обстановке. «Это требуется для истории», говорил он тогда. Признаться, мы не очень-то верили, что у него что-нибудь выйдет: уж больно неподходящие условия были для съемки. Но теперь, в Москве, товарищ Федотов показал мне альбомчик аккуратно сделанных снимков.

Перелистывая его страницы, я вспоминал горячие боевые эпизоды. Вот взрыв немецкого склада... Вот мы минировем шоссе... А вот сидим на корточках вокруг костра и терпеливо ждем, пока наш Миша-повар приготовит кашу из концентратов...

Увидел на фотографии Мишу-повара и вспомнил, как мы вместе с ним приняли участие в одной интереснейшей экспедиции. Нам нужно было заглянуть в деревню, разузнать о немцах и раздобыть продовольствия.

Еще не совсем стемнело, когда мы подошли к крайнему дому. Молодая женщина вышла из дома с ведром и направилась к колодцу. От нее узнали, что немцев в деревне нет, а женщина эта, оказавшаяся женой председателя колхоза, радушно пригласила нас в избу. Колхоз-

ники рассказали о том, что деревню часто навещают немцы; три дня назад они согнали все население к дому старосты и приказали немедленно собрать двести пудов ржи и пятьдесят шуб; сейчас староста, бывший кулак, собирает для немцев и рожь, и шубы, и масло, и кур.

Гуцкей вместе с политруком отряда, Мишей-поваром и Петро отправились к старосте, а мы остались нести боевое охранение. Позже Гуцкей рассказал нам об этом посещении.

Староста и по внешности оказался типичнейшим кулаком — здоровенный, краснорожий, в жилетке, с рубахой навыпуск, с золотой цепью на брюхе. Как выяснилось позже, он был осужден советской властью, потом бежал, скрывался. Когда пришли немцы, он предложил им свои услуги. Немцы вернули ему дом, принадлежавший колхозу, наделили двумя колхозными коровами и семью овцами. Он служил им, как собака.

Предатель встретил партизан надменно, приняв их за колхозников. Но, увидев оружие, сразу обмяк. Гуцкей начал допрос. Староста отвечал тихо, словно нехотя, низко опустив свою напояженную голову. Когда допрос был окончен, политрук написал в полевой блокнотке приговор:

«Партизанским отрядом «Гроза фашистов» в деревне Н. был обнаружен кулак Трофимов, осужденный раньше за поджог колхозного амбара. С приходом немцев вернулся и кулак Трофимов. Сейчас он собирает немцу рожь, одежду, продукты. Как изменника и врага родины, партизанский отряд «Гроза фашистов» приговаривает кулака Трофимова к расстрелу».

Политрук передал текст приговора командиру; тот встал и огласил его. Предателя вывели в сад и расстреляли. Петро отпер амбар, где было сложено награбленное у колхозников зерно; теперь крестьяне могли взять обратно отобранное у них.

Все новые и новые боевые эпизоды всплывали в памяти. Я вспоминал, как мы встречали на шоссе немецкие обозы, как истребляли из засад немецких автоматчиков, как оседлывали дороги, прерывая немецкие коммуникации. Боевая была жизнь! А как дружно жили в лагере, как приятно было отдохнуть после удачно проведенной операции!

Разведем костер, развесим котелки, сушим одежду, проверяем оружие. Ребята рассказывают разные случаи из жизни. Удивительные вещи приключались в мирное время с Мишей-поваром. Начнет рассказывать — катаемся со смеху.

Вспоминал я все эти истории, вспоминал жизнь отряда со всеми ее горестями и радостями, трудностями и приключениями, и с каждым днем все сильнее тянуло меня к товарищам.

Для того чтобы снова бить немцев, надо стать здоровым. Ну, а разве человек не выздоровеет, если по-настоящему захочет этого?

Стал я каждый день ходить на прогулки, делая по пяти-шести километров, по утрам и вечерам проделывал физкультурную зарядку.

Партизаны на привале.

Здоровье постепенно восстанавливалось. Нога перестала ныть. Я стал себя чувствовать значительно бодрее.

И вот наконец наступил счастливый день: мне было разрешено вернуться к боевой работе в тылу врага.

7. В ПАРТИЗАНСКОМ ШТАБЕ

Снова зеленый хвойный лес, но легкие заморозки уже сковали землю. Легко идти по первому снегу. Одно плохо: остаются следы. Нас двое — я и мой товарищ Костя Кауфман. Познакомились мы еще в Москве. Он — высокий, черноволосый, черты лица суровые. В партизаны ушел добровольно, оставив в Москве жену и двоих детей.

Мы идем уже вторые сутки. Линия фронта позади. Костя проверяет путь по компасу, я — по карте. За плечами несем по мешку мин. Мы слышали, что в этих местах действуют волоколамские партизаны; к ним-то и пробираемся.

Морозным ноябрьским вечером набрали наконец на партизанскую разведку. Шли едва заметной тропинкой, когда раздался громкий воз-

глас: «Стой! Руки вверх!» Я отскочил за дерево, приготовил гранату. Перед нами были люди в гражданской одежде, с оружием.

— Кто такие? — спрашивают нас.

Мы отвечаем:

— Свои.

И выходим на тропку.

Командир долго не верил нам, проверял документы, а потом повел на заставу. Там нас встретил комиссар отряда, Владимир Павлович Мыларщиков. Ему лет тридцать, но небритое лицо старило его. Он долго допрашивал нас. Удостоверившись наконец, что мы свои, сказал, подобрев:

— Подрывники мне нужны, принимаю вас в отряд. Но если измените, — закон у нас суровый.

У землянок мы встретили командира отряда — Бориса Васильевича Тагунова. Он носил лихо закрученные усы и круглую барашковую шапку, что делало его похожим на Чапаева.

С командиром мы вошли в землянку. Землянка большая, по стенкам нары, посредине печь. На нарах, держа котелки, сидят человек двадцать партизан. Было время обеда. Нам освободили место у стола, поставили два котелка жирных свежих щей, отрезали по ломтю белого хлеба.

Было еще светло, когда Женя, парнишка лет семнадцати, повел нас знакомиться с партизанским лагерем. Это целый городок — четыре отлично замаскированные жилые землянки. Можно пройти рядом и не заметить их. Все землянки связаны телефоном между собой и с постами. Оборудована кухня, где готовит пищу бывший шофер, ныне шеф-повар отряда Илья Платонов. В землянках же расположены баня, склады оружия и продуктов.

С такой базой, с такими запасами можно действовать целый год. Не добраться сюда немцам! С двух сторон — большое болото, кругом лес; тому, кто хорошо не знает дороги, не пройти.

Когда мы вернулись, в землянке уже горело электричество, говорило радио. Все это — дело рук бывшего заведующего почтой Синькова.

Утром мы пришли в штаб. За столом сидели командир отряда и начальник штаба Слепнев — тот, кто первым встретил нас у лагеря. Коротко они объяснили задачу: разведать движение на шоссе, если возможно, дорогу минировать.

Минут через десять я, Костя и местный партизан-проводник Потапов исчезли в густом лесу. Часам к пяти вечера вышли к дороге, по которой двигались танки, автомобили, мотоциклы. Когда движение немного стихло, мы вышли на шоссе и с оружием наготове двинулись вперед, высматривая удобное место для минирования.

Вдруг увидели впереди двух неизвестных людей.

Сойдя с дороги, мы осторожно продолжали продвигаться по обочине. Вскоре увидели смутно темневшие в сумерках груды ящиков, накрытых брезентом. Возле них — часовые. Ясно — склад.

Мы обошли его с другой стороны. Часовых оказалось только двое. Оценив обстановку, мы решили уничтожить склад.

Я отдал команду:

— Костя, наблюдай за правым часовым. Если он заметит меня, открывай по нему огонь. Потапов, сделай то же самое с левым часовым.

Ползком я добрался до первых ящиков. Видимо, склад временный. Открыл один ящик: гляжу — винтовочные патроны. Подполз к другому штабелю. Здесь — длинные ящики со снарядами. Ползу дальше. Плетеные корзины. Открыл одну — авиабомбы. Рядом — ручные гранаты. В конце склада большими грудями навалены автомобильные покрышки. Тут же бочки. Подполз к одной, отвинтил пробку — полился бензин. Подождал, пока бензин подмочит ящики, вынул шнур, просунул один его конец под ящики, другой отвел вверх. Осмотрелся, прислушался. Тихо. Распахнув пальто, прикрылся от ветра и поджег шнур.

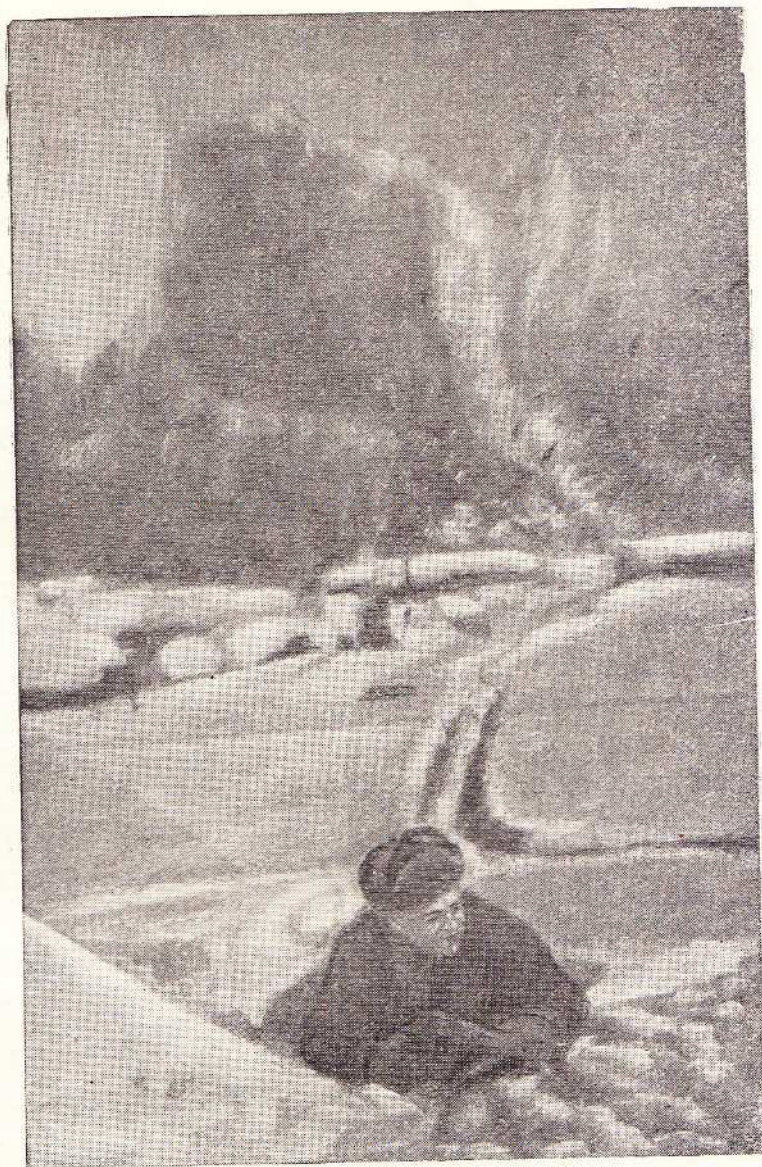
Когда шнур зашипел, часовые встрепенулись, но с дороги не ушли.

Едва я успел вернуться к товарищу, как ударил глухой взрыв. Это вспыхнул бензин. Мы отбежали в лес, остановились, прислушались. Раздался сильный взрыв авиабомбы, потом другой, и часто-часто начали рваться снаряды, патроны, гранаты...

На заставе нас ждал Владимир Павлович. Обняв нас, он сказал:

— Вот это настоящая партизанская работа!

Всю ночь горел склад и рвались снаряды. Утром разведка донесла, что движение по дороге прекратилось.

Фашистский склад взлетел на воздух. Илья Кузин отползает к опушке леса. Там ждут его боевые товарищи.

8. БОЙ НА ДОРОГЕ

Я получил задание прервать движение на главной прифронтовой магистрали немцев. Охотников на эту операцию вызвалось много. Мы отобрали комсомольцев: Женю Бриллиантова, Женю Щучкина, Александра Краснова, Николая Краюшкина, Василия Филиппова, подрывника Андриянова. В три часа, на рассвете, вышли из лагеря. У заставы я попрощался с комиссаром, дал команду приготовить оружие, и мы зашагали по тропинке за нашим проводником — Филипповым.

До самого вечера пробирались лесом по пояс в рыхлом снегу. К вечеру вдалеке послышался шум моторов. Вероятно, там проходило шоссе. Оставив отряд отдыхать, мы с Краюшкиным в белых халатах отправились в разведку. Маскируясь кустарниками, добрались до шоссе. Немецкие мотоциклы, автомобили, тракторы проходили в нескольких метрах от нас. Это была одна из артерий, питавших немецкий фронт.

Наметив, где ставить мины, мы вернулись в отряд. Когда стемнело, отряд вышел на шоссе. Щучкин охранял левый фланг; на расстоянии двух километров от него лежал в засаде Краснов. Остальные рыли ямы для мин. Мины я ставил сам. Потом мы замаскировали минированные места и ушли в лес, решив подождать до утра.

Шесть часов. Серый ноябрьский рассвет. Мы лежали на обочине дороги, нетерпеливо поджидая вражеские машины. Наконец, около семи часов, на шоссе показались горящие фары. Тяжелый восьмитонный грузовик шел на фронт. С затаенным дыханием мы следили за тем, как он подъезжал к минированному месту.

Столб пламени, резкий взрыв...

Скоро еще один грузовик с солдатами на полной скорости наехал на мину. И эта машина взлетела на воздух.

Оказалось, по шоссе шла целая автоколонна. Третья машина, пытаясь объехать взорвавшиеся грузовики, свернула с шоссе. Но и там стояла наша мина!

Колонна остановилась. Немцы высыпали из машин. Я дал команду: «Огонь по фашистам!»

Ребята только этого и ждали. Захлопали выстрелы. Немцы падали мертвыми у машин. Некоторые из нас били бронебойными пулями по моторам. Загорелось несколько грузовиков.

На шум и стрельбу из деревни прибежал немецкий отряд человек в сорок. Двумя цепями он пробовал окружить нас. Новая команда. Ребята открыли огонь по наступающим. Немцы повернули обратно.

Через пять минут из деревни по опушке леса стал бить миномет. Основное было сделано, и мы решили отходить. К полудню вышли к другому шоссе. На этот раз решили встретить немцев еще «теплее». Расположились за деревьями в нескольких метрах от дороги.

Через полчаса послышался шум идущей машины. Когда она поровнялась со мною, я швырнул в кузов гранату. Но шофер уцелел и

Фашистское иго сброшено. В освобожденный Красной Армией рабочий поселок Кулебакино (Московской области) возвращаются из лесов партизаны. В родной дом к работнице игольного завода Е. П. Чистяковой вернулся ее сын комсомолец Василий. Слева—командир партизанского отряда Александр К.

Зенитная установка воспитанника туркменского комсомола гвардии лейтенанта Нурия Кулиева уничтожила за короткий срок 8 фашистских самолетов. На снимке Нурия Кулиев у сбитого им воздушного пирата.

дал газу. Партизаны не растерялись — открыли стрельбу. Первыми же залпами шофер был убит, грузовик врезался в дерево.

Через несколько секунд из-за поворота вылетели еще два грузовика. Одной машине удалось проскочить. Правда, Краснов успел швырнуть гранату в кузов. Когда поровнялась вторая, я бросился к ней с гранатой. В кузове сидели двадцать солдат. Мелькнули винтовки, цветные женские платки на головах у фрицев... Швырнул гранату в этот клубок. Взрыв — и шофер увез с собой мертвецов.

В этот момент из-за поворота выскочили еще две машины. Солдаты открыли сильный огонь. Я бросился в лес по другую сторону дороги, так как не успел добежать к своим. Вдруг с другой стороны показались еще два грузовика с автоматчиками. С ходу автоматчики соскакивали на землю и двумя цепочками бежали к отряду.

Был тотчас же отдан приказ:

— Филиппов, принимай команду и веди отряд на базу!

Тут же послышался ответ:

— Есть принять команду!

9. ПОГОНЯ

Партизаны отходили в лес. Немцы бросились за ними, но, встреченные огнем, вернулись на дорогу. Несколько солдат подбежали к разбитой машине и, разостлав брезент, положили на него шестерых убитых.

Вдруг офицер, размахивая парабеллумом, указал в мою сторону. Группа автоматчиков побежала ко мне. Я открыл огонь из маузера. Расстреляв весь магазин, вскочил и бросился в лес. Немцы — за мной. Пули бороздили снег у моих ног. Вскоре преследователи отстали. Минут через пятнадцать я оказался у дороги, которую мы минировали два часа назад.

Присел на пенек, вынул карту, компас. Только собрался ориентироваться, как послышался шум мотора. «Да ведь у нас здесь мины!» вспомнил я. И не успел сложить карту, как рядом раздался взрыв... Машина взлетела на воздух. Снег кругом стал черным.

На дороге раздалась выстрелы и крики. Немцы шли по моим следам. Я вскочил и побежал, укрываясь в низком кустарнике. Отбежав с полкилометра, выбрался на опушку. Недалеко проходила дорога, виднелась деревня. Дальше бежать было некуда: позади — немцы, впереди — чистое поле и дорога, занятая врагом.

Не успел придумать что-нибудь, как увидел подъезжавшие сани, в которых сидели две девушки. Я подбежал к ним и спросил, где деревня Х., от которой знал дорогу на базу. Девчата засмеялись, указали на деревушку.

Одна, улыбаясь, спросила:

— А ты откуда идешь?

— Отстал от части, — ответил я.

— С гранатой и наганом? — смеясь, добавила другая.

— Ну, ладно, девчата. Скажите лучше, как добраться до деревни. Но только чтобы немцев там не было!

— Садись, подвезем, — серьезно сказала девушка.

Вдали показались немецкие машины. Раздумывать было некогда. Вероятно, уже по всем дорогам скакали верховые, мчались мотоциклисты, разыскивая партизан. Я быстро вскочил в сани, зарылся в сено, перезарядил маузер. Девчата, погоняя лошадь, запели.

Все обошлось благополучно. Лошадь бежала бойко. Через полчаса я был уже в деревне. Крепко я поблагодарил девчат. Когда они скрылись из глаз, кинжалом перерезал в двух местах немецкий телефонный провод, тянувшийся вдоль дороги.

Поправив мешок за плечами, сжав в одной руке гранату, в другой маузер, я пошел через деревню. Крестьяне провожали меня взглядом.

Четыре деревни попало на пути, но ни в одной из них не было немцев. Деревни лежали в стороне от больших дорог, затерянные в глухих волоколамских лесах.

Рано утром я пришел на свою базу.

С тех пор каждый день наша группа отправлялась на боевые задания. Не было дороги во всей окрестности, где бы не раздавались партизанские взрывы.

Однажды на черном кузове немецкой штабной машины (пассажиров ее всех уложили на месте) мы написали мелом: «Так будет с каждым, кто придет на нашу землю».

10. «СЛУШАЙ, МОСКВА!..»

После ряда операций мы решили доложить о своих действиях штабу партизанского отряда. Втроем отправились в штаб. Шли километров двадцать по глубокому снегу. В глухом лесу, далеко от дорог отыскивали партизанские землянки. Нас встретил командир Анатолий Григорьевич. Он всегда ходил с автоматом, с гранатами за поясом, в полушубке, носил большую бороду — настоящий партизан!

Штаб помещался глубоко под землей, в больших, просторных землянках.

Мы рассказали командованию о боевых действиях нашего отряда, о взрыве складов, мостов. Командир интересовался всеми деталями нашей боевой деятельности.

— Сейчас передадим ваши сведения в Москву, — сказал он.

Мы сначала подумали, что командир шутит, но видим: подходит к радиопередатчику и вызывает Москву:

— Слушай, Москва!.. Говорит штаб партизанского отряда... Москва, Москва... Говорит штаб партизанского отряда. Передаем нашу сводку.

Долго он передавал по радио о наших действиях. Сообщил обо всем, что мы сделали за последний месяц.

Когда через несколько дней нам через фронт доставили газеты, мы прочитали подробное сообщение о нашем отряде.

11. СОБРАНИЕ КОЛХОЗНИКОВ

Однажды командир с группой товарищей отправился в деревню проводить собрание колхозников. Немцев там не было. Но все же вокруг деревни расставили часовых, на дороге установили ручной пулемет. Когда мы вошли в деревню, на улице собралась большая толпа колхозников, женщин, детей. Мы вошли в дом, поздоровались с хозяевами и вместе с Анатолием Григорьевичем уселись за стол в горнице.

Несколько наших ребят ходили по деревне, собирая колхозников на собрание. Скоро в избу набралось человек шестьдесят. Пришлось открыть двери на улицу: народ стоял у крыльца.

Командир принес с собой из лагеря сводку Информбюро.

Часть населения оккупированных деревень ничего не знала о ходе боевых действий. Колхозники задавали такие вопросы:

— Когда взят Ленинград? Разве Москва окружена?

Мы рассказывали колхозникам все, что знали.

В конце собрания Анатолий Григорьевич сказал:

— Товарищи колхозники, вы находитесь в оккупированном немецком районе. Фашисты недалеко от вас. Но русских людей враг не запугает. Советская власть прочно существует в нашем партизанском районе. Представитель советской власти — штаб партизанского отряда. Распоряжения штаба — закон для всех.

Собрание длилось минут сорок. Когда мы уходили из деревни, нас провожала большая толпа. Многие колхозники успели сходить домой и принесли нам «припрятанное на всякий случай» оружие.

12. ВСТРЕЧА

Вскоре мы снова ушли в леса, взрывали склады, мосты, громили немецкие гарнизоны.

В бессонные длинные ночи мы прислушивались к грохоту приближающегося фронта. Наши наступали. Партизаны усиливали налеты на неприятельские обозы, на немецкие части, отступавшие на запад. Население деревень готовилось встречать своих освободителей.

Это было в морозные декабрьские дни 1941 года. Однажды мы решили выбить фашистов из деревни, стоявшей на шоссе.

Вдруг видим: на опушке леса — всадники. Мы залегли в снег, приготовили оружие. И вдруг Слепнев идет к нам навстречу и кричит:

— Наши! Выходи, ребята!

И вот мы среди своих, родных, советских людей. Мы ходим посреди повозок, дымящихся кухонь. Красноармейцы тут же на снегу

хлебают щи из котелков. И мы смеемся от радости, жмем руки незна-
комым бойцам.

Потом приходит майор и передает приказание командира части:
«Командованию партизанского отряда явиться немедленно».

Штаб полковника Чинчибадзе находился неподалеку в лесу. Нас
привели в просторную землянку. Полковник, коренастый человек в про-
стой гимнастерке, отдыхал на охапке сена.

Прорвав в одном месте линию немецкой обороны, гвардейская
часть полковника Чинчибадзе сделала сорокакилометровый переход и
зашла в глубокий тыл врага. У Чинчибадзе была своя кавалерия, лыж-
ники, авиация. Это была отлично вооруженная и отлично обученная
часть.

В первый же час знакомства с Чинчибадзе мы убедились в этом.

Вошел лейтенант.

— Товарищ полковник, разрешите доложить. Ваше задание не
выполнено: в деревне сорок немцев, мы вернулись обратно.

Чинчибадзе рассердился.

— Как вы смели вернуться? Сколько вас было?

— Трое, товарищ полковник.

— А немцев?

— Сорок, товарищ полковник.

— Как же, — говорит Чинчибадзе, — вы, уральцы, втроем не
смогли выгнать сорок немцев?! Немедленно выполнить мое задание!

Лейтенант козырнул и вышел. Полковник тут же вызвал младшего
лейтенанта и приказал ему:

— Следуйте за ними для подкрепления.

...Через несколько часов лейтенант вернулся взмокший, с перевя-
занной рукой, в обожженной шинели.

Гордо отрапортовал он командиру:

— Ваше приказание выполнено, товарищ полковник. Шестнадцать
немцев убито, остальные бежали. Деревня наша.

Несколько дней партизанский отряд и гвардейская часть полковника
Чинчибадзе действовали вместе. Мы имели точные сведения о рас-
положении немецких гарнизонов и складов, знали схему минирования
дорог и мостов. Все это пригодилось гвардейцам.

Когда наш отряд прощался с гвардейцами, Чинчибадзе приказал
выстроить своих бойцов на сельской площади. И вот ровные, литые
ряды славных гвардейцев застыли в торжественном молчании.

Партизан было человек тридцать. Мы тоже выстроились на пло-
щади. А вокруг нас — свои, родные люди, колхозники.

— Смирно! — раздалась в морозном воздухе команда.

Полковник Чинчибадзе начал речь: о трудностях, которые еще
предстоит преодолеть гвардейцам, об опасностях, которые ждут их
впереди.

— Но мы знаем,--продолжал он, — о том, что в любом районе
немецкого тыла встретим партизан — лучших наших помощников и
друзей. Так пожелаем же им успеха в боях с немецкими оккупантами!

В атаку и пургу через леса и сугробы совершали конники-гвардейцы смелые рейды по тылам врага. Немногим фашистам удалось избежать удара казачьего клинка.

Пусть рука партизана всегда будет твердой, глаз — острым, сердце — мужественным.

И мы расстались.

Часть полковника Чинчибадзе отлично выполнила свою задачу, навела панику в фашистских тылах и благополучно возвратилась на советскую территорию. Об этом мы узнали позже.

Ночью наш отряд занял еще одну деревню.

На рассвете вышли к околице. Настроение было приподнятое. И вдруг увидели всадника, во весь опор мчавшегося к деревне. Заметив нас, всадник нерешительно сдержал коня. Мы закричали: «Руки вверх!»

Конь взвился на дыбы, но Мыларщиков схватил его за удила.

Всадника окружили.

— Кто такой?

Не испугавшись, он спросил в свой черед:

— А вы кто такие?

— Партизаны.

Боец соскочил на землю, обнял нас, сказал:

— Здорово, ребята! Дайте закурить... Наконец-то мы с вами встретились!.. Идут части Красной Армии.

Глядим — скачут бойцы. Спешились — и к нам. Обнимают, целуют...

Наступающая Красная Армия пришла к нам!

То была самая волнующая, самая радостная встреча в моей жизни...

И вот Москва — сердце родины. Я вижу ее прекрасные улицы, площади, звезды на башнях Кремля, мавзолей Ленина, запорошенный снегом... Кончился мой второй поход в немецкий тыл. Радостно сознавать, что боевые дела партизан сослужили родине службу и помогли Красной Армии разгромить под Москвой вражеские полчища.